

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

С О В Е Т С К О Е
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Е

IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1947 ЛЕНИНГРАД

В. А. ГОРДЛЕВСКИЙ
И. Ю. КРАЧКОВСКИЙ

(Общая характеристика)¹

На склоне лет, как бы предчувствуя близость кончины, акад. В. Р. Розен часто называл И. Ю. Крачковского своим Вениамином. Теперь младший, любимый ученик Розена превратился в патриарха, — в обаятельного шейха, вокруг которого объединяются советские востоковеды.

Всегда услышат они от него что-нибудь новое или полезное, он натолкнет их и на тему для изысканий. В трудах Крачковского, дышащих благородством, заключена воспитательно-образовательная сила.

Работая „Над арабскими рукописями“, он дал великолепные образцы метода изучения рукописей, приводящего к открытиям, мимо которых равнодушно проходили первоклассные специалисты, как, например, Г. Дерамбур.

Труды Крачковского зажигают и увлекают. Вот и разгадка тайны, почему ученики Крачковского, полюбив науку, так преданы и учителю. Всегда найдут они у него дружескую поддержку; с ним будут делить и радости и горести творчества и жизни.

Он наследовал богатства, накопленные предшественниками. В нем, как в фокусе, сосредоточились: и ненасытная страсть к изучению рукописей — от Френа, и искусство художественного перевода — от барона Брамбеуса — Сенковского я не устаю предлагать для чтения „Пожождения Хаджи-баба Испаганского“, в которых картинно изображен уклад старой восточной жизни; и прозрачная четкость формулировки мысли, акрибия — от Розена. На этой разделанной ниве и взошел талант Крачковского, искрящийся игрой переливов, но размах и глубина, это уже неотъемлемые свойства его.

На протяжении XIX века востоковедение выросло в мощную дисциплину, которая внесла вклад в золотой фонд мировой науки; и, следуя по пути, проложенному старшими товарищами, академиками В. В. Бартольдом и Н. Я. Марром, бережно хранит акад. И. Ю. Крачковский лучшие заветы русского востоковедения.

Круг тем, волнующих арабиста, находит у Крачковского полное отражение, получает у него окончательное завершение; возвращаясь к тому, что уже затронуто на Западе, он вносит и новые факты, и новое освещение. Так Крачковский олицетворяет собой современный этап арабистики. Но Крачковский — советский ученый, он и дерзает: он поднимает проблемы, которые могут родиться и должны разрешаться у нас, в Советском Союзе. Так Крачковский закладывает фундамент завтрашней арабистики.

¹ В основу положена речь, произнесенная 18 декабря 1944 г. на соединенном заседании Отделения литературы и языка Академии Наук СССР и Московской группы Института востоковедения Академии Наук.

В арабском халифате он и территориально, и хронологически — властный хозяин. Он устремляет пытливый взор на восточную окраину государства — в Среднюю Азию, куда в VIII в. наступают арабы, и там, среди документов, найденных на горе Муг, открывает имя „согдийского царя, самаркандского государя“ Дивастича. Из Испании доносятся до него, поклонника народных диалектов, песни „заджалъ“, пересыпанные романскими, берберскими и другими лексическими элементами, и он замечивается диваном Ибн-Кузма, бродячего трубадура XI—XII вв., благо единственная рукопись находится в Ленинграде. Для Крачковского „арабская гипотеза“ о влиянии формы „заджалъ“ на раннюю провансальскую и на западноевропейскую поэзию пока сомнительна, однако тема о взаимодействии культур между Востоком и Западом, через Испанию, конечно, ему близка.

Подолгу засиживается он в столице Аббасидов. Он вхож в Багдаде в кружок придворных поэтов.

Абуль-Атахию узнал он давно, еще студентом Петербургского университета. Он написал тогда сочинение о „Правлении халифа ал-Махдия“, удостоенное, по представлению Розена, золотой медали; стороной прочел сочинение и Бартольд и, отметив наблюдения его над Табари, удивлялся потом, почему Крачковский предпочел филологию истории. Бартольд мог бы утешиться: исторический уклон всегда был у Крачковского и не только обрамлял филологические этюды, но и давал убедительную достоверность его предположениям и догадкам.

Слепому поэту Абуль-Ала ал-Маарри он, по примеру учителя, уделял большое внимание. Еще в 1910 г. открыл он в библиотеке Азхарской мечети в Каире „Послание об ангелах“ — протест свободолюбивой мысли против ортодоксальных верований, и шейх, хранитель рукописей, которому Крачковский накануне объяснил смысл трактата, бежит утром по перрону за поездом, увозящим Крачковского, и возбужденно кричит: „Я всю ночь не спал; удивительно, как его не сожгли вместе с его посланием!“.

Он, конечно, хорошо знает, что арабская культура соткана из инородных материй; острый глаз иностранца сразу это замечает. В диване Абу-Нуваса усмотрел Крачковский описание сасанидской чаши — памятники сасанидского искусства, закинутые и на территорию СССР, очевидно, в Багдаде в IX в. попадались часто.

Элементы христианские (и еврейские), пожалуй, еще более изумительны. Крачковский слышал уже о популярности сочинений Абу-Курра („Авукара“) и учителя его Иоанна Дамаскина; теперь он обнаружил и христианские религиозные термины, открыл перевод Библии на арабский язык во время халифа Мамуна в VIII—IX вв. Он вычитал у ал-Бируни (это повторяют арабы и потом) и ухищрения иерусалимского духовенства — известия о „благодатном огне“, нисшествии которого в пасхальную ночь описал и автор „Хождения во св. землю“, игумен Давид, далекий от мистики палестинских чудес.

Крачковский — питомец Петербургского университета; я не знаю, удалось ли ему слушать лекции акад. Александра Веселовского, но идеи автора „Исторической поэтики“ отразились уже на его магистерской диссертации об Ал-Вава Дамасском. Стиль, теория словесности „однодневного халифа“ Ибн ал-Мутазза (издано в Гиббовской серии), риторика Ибн-Кудамы, — вопросы поэтического творчества впервые широко поставлены и исследованы Крачковским.

А то вдруг вздумает он совершить длинное-преддлинное путешествие с юга на север. Он тщательно подготовится, как заправский турист,

и разберет „Две южно-арабские надписи в Ленинграде“, изучит и амулет — всё, что дошло из Сан'а, и пустится в путь-дорогу. Перед ним расстилается безбрежная пустыня, но вот слышал он голос Шанфары, поющего хвалу пустыне, которая дала приют „изгою“:

„Не хороните меня, ведь хоронить меня вам запрещено! Но обрадуйся ты, о мать жилья!“¹

Я выхватил строчку из перевода, давно подготовленного для сборника образцов древне-арабской поэзии.

Вблизи и „священные города“ — Мекка и Медина. Для него вход туда закрыт, он обойдет их; всё же Коран его заинтересует и, изучив „тефсиры“ — толкования, он возьмет, да переведет на русский язык эту законодательную книгу мусульман. Когда об этом проведают богослов Муса Бигеев, „реформатор“ ислама, — он обратится к Крачковскому за справкой: уже один вид ориенталиста, отпустившего почтенную бороду, внушает мусульманину доверие к его мнению, подкрепленному неопровержимыми справками.

В XX в. он на берегу Нила — скоро наступят и „Дни“ Таха Хусейна, филолога-слепца — вокруг Крачковского шумная городская толпа: я различаю там братьев Теймур, Ахмада Заки и др.; они радостно приветствуют дорогого гостя и, расставшись, долго — вплоть до 1944 г. — шлют ему на север приветы и поздравления.

„Ты все покупаешь“, — говорили когда-то в Палестине арабы Крачковскому, как бы упрекая его за молчаливость на первых порах. Он „покупал“ у них слова, чтобы скоро отплатить им сторицей.

Изучая материалы и наблюдая жизнь в Египте и в Сирии, он понял, что падение халифата отнюдь не означает исчезновения у арабов культуры. В тяжелых условиях, временно замершая, литература возродилась во второй половине XIX в., и здесь опять одно из очередных открытий, которыми так богата научная деятельность Крачковского.

Но „нет пророка в своем отечестве“: так, только голос декана факультета восточных языков Н. Я. Марра пресек возражения, когда молодой Крачковский для вступительной лекции избрал тему о ново-арабской литературе. Монография его об историческом романе у арабов — пусть с опозданием на двадцать лет, — очерки о ново-арабской литературе, мусульманской и христианской, проникли на Запад, и он был провозглашен Wegweiser'ом, — руководителем, да еще какой это гид: за ним бесстрашно можно идти куда-угодно, уж он-то выведет на верный путь!

Литературоведческие этюды его от доисламской поэзии до XX в. тесно связаны между собой. И когда — еще до Отечественной войны — перед Институтом востоковедения Академии Наук встала задача составления истории литератур Востока, — первым откликнулся на призыв Крачковский. „Общие соображения о плане истории арабской литературы“ читал он и в Москве; обусловленный желанием дать полное представление о культурной жизни арабов, план, пожалуй, подлежал бы дискуссии, но, скажу, это не план, а оглавление монументального труда, сложившегося в голове ученого или, вернее, уже подготовленного к печати.

Великая Октябрьская социалистическая революция направила внимание арабиста на темы, связанные с Советским Союзом. Она показала ему сокровища, о которых он всегда мечтал. Распахнулись двери дворцов, домов, и посыпались горами рукописи, втуне находившиеся под спудом. И, только закончив описание рукописей, поступивших с Кавказского

¹ Т. е. гиена.

фронта, Крачковский собирает богатую жатву редких, уникальных рукописей: то опишет он собрание христианских рукописей, подаренных Антиохийским патриархом Григорием; то укажут ему на первый том истории Ибн-Мискавейха, отысканный в Казани, и т. д. и т. д.

Описанию рукописей — упорядочению всего, что создала арабская письменность, Крачковский придает первостепенное значение; но для завершения грандиозного плана обработки рукописных фондов Ленинграда — десятков тысяч рукописей — нужны большие кадры арабистов, людей, охватывающих *Universitatem litterarum*, а они — увы! — поредели за годы войны! „Жатва велика, а делателей мало!“ — общий печальный припев востоковедов; он раздавался постоянно, слышится и теперь.

После Великой Октябрьской революции был обнаружен на территории Советского Союза туземный арабистический материал, не отделимый от жизни страны. На территории СССР давно образовались гнезда арабской культуры. В разборе обломков старой арабской культуры (полностью еще не подобранных и в Европейской части Союза — в Татарии, Башкирии) Крачковский, этот *spiritus movens*, принял деятельнейшее участие, он сумел привлечь к этой работе и своих учеников.

Так, оказалось, что на Кавказе, например, вплоть до Октябрьской революции арабский язык был *lingua franca*, язык Корана был средством общения интеллигенции народов этой „горы языков“: когда Шаукани, автор биографического словаря (XVIII в.), увидел в Сан’а ученого дагестанца, который разыскивал сочинения популярного на Кавказе шейха Салиха Йеменского, — он подивился чистоте „в высшей степени красно-речивого и плавного“ языка иностранца.

Для почина Крачковский избрал последний акт борьбы за Кавказ. Я, быть может, и ошибаюсь, но я хотел бы думать, что перед ним маячит кавказская параллель, на поприще культуры, к образу араба, профессора Петербургского университета Тантави. Конечно, воссоздание второй монографии — „жизни и трудов“ Шамиля куда сложнее. В кавказских штудиях о Шамиле был у него и помощник: погибший во время войны на фронте, А. М. Барабанов издал и перевел историю Карахи.

Осенью 1929 г. повстречал я в Самарканде двух слушательниц Восточного института. Когда они услышали, что в честь Крачковского готовится сборник, они послали в Ленинград отчет о поездке к среднеазиатским арабам — так открыто было „национальное меньшинство“, затерявшееся среди кишлаков Узбекистана. К арабам направлены были опытные исследователи, лингвисты и этнографы. На заседании Московской группы Института востоковедения, рожденной инициативой Крачковского, председатель огласил „рапорт“ И. Н. Винникова от 1 января 1944 г. об удачном завершении этнографической экспедиции; а текстовые записки — у арабов был и Г. В. Церетели — устанавливают, что среднеазиатские колонисты — потомки месопотамских арабов, попавших в Среднюю Азию, может быть, во времена Тимура (XV в.) — так вводятся редкостный лингвистический материал, приоткрывающий завесу над эволюцией одного из средневековых арабских диалектов.

Кавказ, Средняя Азия, — всё это когда-то были этапы на пути арабов на север; мысленно уже и Крачковский подведен был к Поволжью, куда шли купцы и эмиссары арабского халифата: хотели ли они приобрести народы Поволжья к исламу, или их больше привлекали меха соболей, куниц, на которые зарылись восточные феодалы; но, как говорит турецкая пословица, „hem ticaret hem ziyaret“ — они торговали, они и наблюдали, и оставили нам ценнейшие записки о народах Поволжья.

Исключительными усилиями и стараниями Крачковского пущена была в оборот „Записка“ Ибн Фадлана о путешествии на Волгу; отысканная в Мешхеде, она полностью переведена и комментирована учеником его, А. П. Ковалевским.

Сто лет, нет больше, ровно сто двадцать один год истек со времени издания Френа, давшего текст (отрывков), перевод и обширный комментарий на Ибн Фадлана и других путешественников по стране „руссов“.

Издание, конечно, устарело, и Крачковский поставил в порядок дня проблему, которая представляет первостепенное значение для истории народов СССР. Настойчиво — устно и печатно — твердит Крачковский о срочности издания *Corpus'a* известий — „О подготовке свода арабских источников для истории Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии“. В этом справедливо видит он задачу советского востоковедения.

Во время блокады Ленинграда Крачковский завершает большую работу об „Арабской географической литературе“, а в Москве, оторванный от привычных библиотек и рукописных хранилищ, он по поручению филологического факультета Московского университета написал очерк арабистических штудий в России до XVIII в. Истории арабистики, в виде ли подведения итогов за советское время, в виде ли био-библиографического словаря арабистов, по его мысли составленного Г. Г. Гульбиным, отводит Крачковский большое место.

Когда временно — перед войной — заглохла в Ленинградском университете арабистика, Крачковский организовал в Институте востоковедения Академии Наук „Ассоциацию арабистов“. Стимулируя арабистические занятия, Ассоциация провела уже две сессии, на которых собирались арабисты Советского Союза.

Многообразен труд Крачковского. Всё это он мог сделать, опираясь на предшественников. Как никто другой, он хорошо это понимает и, благодарный, зарисовывает портреты востоковедов; собранные в один том, они, конечно, доставили бы удовольствие и автору, но они были бы для востоковеда полезным справочником и руководством. Портреты эти часто выписаны тонкой кистью художника; изредка, быть может, лежит на них печать сухости: скуп и архивный материал — единственный источник, слабо освещающий внутреннюю жизнь ученого; но всегда это объективное изложение, правильно определяющее место человека в истории науки.

Образ Розена окружен у Крачковского пиететом, и к нему неоднократно обращается Крачковский, скрупулезно извлекая из архива всё, что так или иначе характеризует учителя. Вот строгий благожелатель-ворчун Бартольд; историк Востока на этот раз повернут к нам как исламовед, и труды его в этой области займут место около Гольдциера и Снук Хюргронье; вот испанист Петров, издатель „Ожерелья голубки“ Ибн Хазма, точный и аккуратный; а вот Нестор востоковедов, Нельдеке — он объясняет младшему коллеге в письме, как ранняя болезнь породила интерес к Востоку; а вот Тантави, к книге приложен и портрет: шейх в чалме, а на шею у него — орден Анны.

В галерее портретов представлены и русские ученые, и западно-европейские, и восточные, тут и старики, и молодые. Крачковский рано терял и учеников. „Горевал я, и как горевал! Об одном бутоне, что ветры сорвали с ветвей“, — повторял он стихотворение в прозе Амина Рейхани, оплакивая смерть И. П. Кузьмина.

Но не траурным звоном — как сказал однажды Крачковский — отдаются у нас слова некрологов. Мы оглядываемся назад, чтобы опре-

делить расстояние, которое прошли, а впереди предстоит длинный, бесконечный путь, и туда, вперед, зовет нас учитель. Он ищет смену среди молодежи, он охотно популяризует знания и в школе, и в книгах, и на заседаниях.

В Московском университете строительство востоковедения только начинается, а кафедра арабской филологии еще отсутствует. Но студенты исторического факультета — студенты нынешнего отделения Востока — были счастливее филологов: старый профессор приходил к ним в аудиторию и вел задушевную беседу о замечательных историках Востока нашего времени — русских, западноевропейских и восточных, встреченных им на жизненном пути. Студенты запомнили и общий курс истории арабской литературы, который мы слушали в Кабинете Востока Исторической библиотеки.

И, быть может, новые звенья, выкованные в Москве, сомкнутся когда-нибудь в единой востоковедной цепи, — так достойно отблагодарит молодежь того, сорокалетнюю плодотворную работу которого отмечает Академия Наук.
